

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160

Судилище над Дудинцевым

В 1956 году публикация романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым...» в «Новом мире» отозвалась судилищами над автором и редколлегией журнала, которую возглавлял знаменитый писатель Константин Симонов. И хотя Симонов и покаялся, что напечатал «Не хлебом единым...», первоначальное судилище происходило в дубовом зале Дома литераторов, где присутствовал Дудинцев. Я сподобился угодить на обсуждение. Самым совестливым защитником Дудинцева и журнала был Константин Паустовский (Дудинцев выступил мужественно, нераскаянно); Симонова сняли с должности и заменили Александром Твардовским. И покатались по всему Советскому Союзу идеологические совещания с приглашением художественной интеллигенции, сотрудников периодики, издательств, радио, телевидения, товарищей из всеслышающих инстанций.

Совещания устраивались на местах: в республиках, их столицах, областных и краевых центрах, в городах и районах вплоть до деревень – с непременным обнаружением своих дудинцевых, их массивированной проработкой. Меня объявили уральским дудинцевым в двух областях – Челябинской и Свердловской. В Челябинске мой путь в Южно-Уральское издательство перекрывали литераторы Марк Гроссман, в ту пору руководитель челябинской организации Союза писателей, и корреспондент «Правды» по Южному Уралу Александр Шмаков, пробовавший себя, газетчика по языку и рассудочности, на исторической стезе.

Я сдал в издательство рукопись, куда включил повесть «Укради дверь» и дюжину рассказов. Еще до идеологических совещаний Шмакову и Гроссману передали мою рукопись на разрез, что они и сделали от яростного удовольствия. Марк Соломонович, к тому же, утерял два моих новых рассказа, представленных от руки, не имевших копий. Когда начались совещания, много они, Гроссман и Шмаков, выступали и в самой Челябинке, и в области, чтобы клеймить мою рукопись как идейно порочную, хотя и нарушали при этом авторское право, не допуская осуждения еще не напечатанных издательством произведений.

Свердловские нападки

Да что им право, если они были в связке с большинством партийного и лазеревопогонного начальства, а Шмаков для них был страшен, как крупный представитель убийного печатного органа, не наказуемого и не подвергаемого публичной критике. Обо всем этом информировали печать и радио области, а также общесоюзные «Известия», корреспондент которых, тоже по Южному Уралу, подхватливо взаимодействовал со Шмаковым и Гроссманом. Они добились своего: опаскудили меня на область, отчасти – на Советский Союз, и разрезали будущую книгу: рукопись мне возвратили без условия на доработку. В параллель с челябинскими погромами возникли для меня свердловские нападки, верно, не кровожадно-каннибальского характера, но, опять же, аукнувшиеся на моих издательских делах. Свердловское идеологическое совещание устроили в самом многоместном помещении: в театре оперы и балета. На нем присутствовали два члена Политбюро (случай для олигархов и провинции небывалый): Суслов М. А. и Поспелов П. Н., да совещание вел кандидат в члены Политбюро, он же – первый секретарь Свердловского обкома Кирилленко А. П.

В докладе руководительницы писательской организации Нины Поповой и выступлении детского прозаика Олега Корякова подвергся нареканиям, как идейно невыдержанный, мой рассказ «Голубой снег», напечатанный в альманахе «Уральский современник». До этого я издал в Свердловске сборник рассказов

Кадры из фильма «Не хлебом единым» по нашумевшему роману Владимира Дудинцева

«Весенней порой» и был принят за него после Третьего совещания молодых писателей в Союз писателей СССР; рекомендован в Союз – Борисом Бедным, Валентином Катаевым, Павлом Нилиным.

В отчетах с идеологических совещаний, даваемых на первой полосе газеты «Правда», назывался все рассказ «Голубой снег», что, казалось, надолго не запомнится и не скажется на моих публикациях. Но получилось иначе: в Свердловске меня почти прекратили печатать, хотя там открыли два журнала: «Урал» и «Уральский следопыт», а книгу рассказов и повестей «Голубой снег», набранную в «Молодой гвардии» (мне уже дали верстку этой книги, и она была высоко оценена в Ленинграде на совещании сорока лучших молодых писателей России, семинар, куда меня определили, возглавляли Вера Кетинская, Гавриил Троепольский, Владимир Лидин...), хотел рассыпать директор издательства Васильев, однако сборник защитили редактор Ксения Чаевская и Юрий Коротков, главный редактор Сергей Потемкин, первый секретарь Союза Писателей СССР Георгий Марков и я сам.

Но вышел сборник только в 1959 году без рассказа «Голубой снег» под названием «Ожидание». С тех пор «Голубой снег» так и не увидел свет: невинная, честная вещь, а была определена на заклание. И была изгнана карательным администратором Васильевым из редакторов Ксения Чаевская, священной честности женщина, и понижен в должности доблестный правдолюб Юрий Коротков, руководивший отделом библиотеки ЖЗЛ.

Цензурно-цекистская братва

Я, во время двухдневного спора с Васильевым по верстке книги, сказал ему, что, если бы сейчас был жив Бенкендорф, он взял бы его к себе в тайную канцелярию. Курьезно приключилось: месяца через два-три Васильев был взят помощником к тогдашнему председателю КГБ СССР Шелепину А. Н. Увы, таким образом я получил во всевидящем комитете внимательного, склонного к наказующей спесивости деятеля.

Отсюда, наверно, и то, что каждую мою книгу или ту, которую я поддерживал, ловила, кромсала, не пушала цензурно-цекистская братва, и не ослабевал за мной надзор напоказ, что на специальном языке органов определялось словом «профилактирование», не профилактика, а именно профилакирование. После

Двадцатого съезда, где Н. С. Хрущев выступил против культа личности, хотя и был заявлен курс «на дальнейшую демократизацию», осуществлялось закручивание гаек. Эту двойственность (промежуточность-межеумочность) я чувствовал по Челябинску и по отношению к себе как к автору.

Главным редактором Южно-Уральского издательства назначили Бориса Маршалова, склонного к самостоятельности. Он запросил у меня новую рукопись, назначил вести ее Марию Срубщик. Свой сборник, меньшего, чем прежний, объема, я назвал по рассказу «Бунт женщины». Редактриса не навязывала мне самостоятельных предложений, не томила придирками. Маршалов и совсем обошелся без замечаний. Рукопись оттиснули. И вот тут-то ее закололо. Заглавный цензор Вилен накидал придирок, и Борису Павловичу, который одобрил книгу на выпуск, пришлось вызывать меня в Челябинск для высказывания своих замечаний: издателям запрещались ссылки на Главлит. По честности Маршалов, конечно, сказал, от кого исходят идейные претензии.

Одна из них заключалась в том, что эпизодический герой Губанищев в рассказе «Бунт женщины» говорил: «Гляжу я на всяких этих херосов конхито, вуалехостов и прочих обитателей аквариума, и любопытная мысляшка ворочается под черепом. Жизнь-то, по сути дела, аквариум, и мы его обитатели. Плаваешь от стены к стене, зарываешься в песочек, всплываешь наверх, ошипываешь водоросли. Иногда найдется смельчак, выпрыгнет из аквариума, а тут его поджидает Виктория: «Ты куда?!» – и раз его в воду: «Сиди, не рыпайся!» Маршалов улыбался удачно найденной метафоре, но намекал на смягчение, на то, что надо бы ее оставить без пояснения.

Я согласился на мало-мальские уступки, и он отстоял книгу перед Виленом. По выходу в свет книги «Бунт женщины» ее опорочил в рецензии газеты «Челябинский рабочий» Виктор Вохминцев, где он заведовал отделом литературы и искусства. К счастью, «Бунт женщины» одобрил первый секретарь Магнитогорского горкома партии Щербаков Павел Андреевич. Он высказал свое возмущение рецензией первому секретарю Челябинского обкома КПСС Лаптеву Николаю Васильевичу, и тот взгрел редактора «Челябки» Дробышевского, но извинений от газеты не последовало: традиция не допускала покаяния партийных газет.

После, в том же издательстве, когда я издавал сборник «Гудки паровозов», у меня возникли цензурные трудности. И совсем уж разразился тяжелый цензурно-партийный скандал, когда по моей рекомендации издавалась книга Германа Занадворова «Дневник расстрелянного». Ее удалось отстоять, но с надрывными переживаниями.

Запрет «Теплых монет»

В 1963-м году (не стану входить в подробности) цензор, некая Землянская, остановила в «Магнитогорском рабочем» публикацию моей повести «Теплые монеты», что обрушило публикацию этой повести в журнале «Молодая гвардия», уже принятую, и книгу повестей с таким же заголовком в издательстве того же названия.

Кстати, подчеркну, после запрета «Теплых монет» меня перестали печатать как в журнале «Молодая гвардия», так и в издательстве. Я оказался на неотменяемой примете не только у цензоров сих комсомольских печатных органов, но и чиновников малого ЦК. Если я меньше публиковался в какие-то годы, то не по причинам качества прозы, а лишь по вышераскрытым причинам, которые Ткаченко всячески козился унизить, что он пытался сделать и по отношению к роману «Юность в Железнодорожье» (жанр А. Т. Твардовский изменил на повесть), напечатанному в «Новом мире» с огромными сокращениями по требованию членов редколлегии, произволом Главлита, отдела культуры ЦК КПСС, из-за некоторых нападок и пожеланий секретариата Союза писателей СССР. Вот как облыжно Ткаченко увязывает судьбу «Юности в Железнодорожье» со мной, знаменитым поэтом Александром Твардовским и его журналом, оголтело подвергшимся преследованиям со стороны официоза: «Не зря, однако, говорится, что бог шельму метит. В этом же, 1969-м году, Воронов печатает в «Новом мире» свою, пожалуй, лучшую вещь – повесть «Юность в Железнодорожье» (ее опубликовали в номере 11, 12 за 1968-й год, но появилась она в первом квартале 1969-го года – Н. В.). Вещь автобиографическую, во многом правдивую, по изложению вполне умеренную.... Время Александра Трифоновича в «Новом мире» истекло, журнал громила идеологическая и писательская пресса, (та же «Литературная газета», а тут как раз и проза подходящая подоспела: некий Н. Воронов повествует, как трудно, голодно, нище жилось в войну уральцам. Клевета на советских людей, особенно на рабочий класс, который мужественно переносил все невзгоды, ковал в тылу победу!..»

Продолжение следует

> «Бунт женщины» одобрил первый секретарь Магнитогорского горкома партии Павел Щербаков